

Глава 18. Цзыянь наводит беспорядок

Трехдневные поминальные обряды наконец завершились, и юноши вернулись к привычному укладу жизни. Вечером, улегшись в одну постель, Чоу Хуайшэн принялся рассказывать Ань Цзыяню о том, как проходили церемонии. Цзыянь, никогда прежде не видевший подобных торжеств, слушал затаив дыхание. Но как ни старался он вникнуть в подробности, сонное оцепенение взяло верх: не успел Хуайшэн договорить, как его собеседник тихонько уснул.

Заметив это, Хуайшэн приподнялся на локте и ласково всмотрелся в спящее лицо. На губах Цзыяня играла едва заметная улыбка. Должно быть, ему снилось что-то очень приятное.

Сон и вправду был чудесным. Цзыяню снилось, будто Хуайшэн признался ему в чувствах и предложил вместе отправиться в странствие по свету. Испросив благословения у Истинного владыки Сюаньцина, они пустились в путь, беззаботные и счастливые, забыв обо всех невзгодах.

Разглядывая спящего, Хуайшэн мысленно перенесся в день их первой встречи ровно год назад. Тот изнуренный, угасающий юноша теперь благодаря бережному уходу окреп и почти ничем не отличался от здоровых людей. Пропала былая тоска, пригибавшая его к земле в первые месяцы на горе Небесного Духа; лицо Цзыяня словно озарилось внутренним светом. В нем безошибочно угадывалась благородная кровь, но не было и капли того надменного высокомерия, коим обычно кичатся знатные господа.

Вскоре Хуайшэн тихо поднялся с постели и подошел к окну. Распахнув створки, он замер, любуясь ночным светилом. Прохладный ветер ворвался в комнату, заиграл прядями его волос и долетел до кровати. Цзыянь во сне зябко пошевелился, инстинктивно натягивая одеяло повыше, однако застывший у окна юноша этого не заметил, поглощенный созерцанием луны.

Стояло пятнадцатое число лунного месяца, и она сияла безупречно круглая и яркая. И пусть до праздника Середины осени было еще далеко, в такие ночи Хуайшэна всегда одолевала тоска по дому. Шесть лет разлуки, шесть лет непрерывных дум... Теперь он мог воскресить лица родных лишь в памяти. Каждый раз, вспоминая вырастившую его приемную мать, он шептал себе: «Скоро. Уже совсем скоро мы встретимся». И сейчас это предчувствие близкого свидания с вдовствующей императрицей Сяочжэнь было сильным как никогда.

Пронизывающий сквозняк в конце концов вырвал Цзыяня из сонных объятий. В зыбком полумраке, едва разгоняемом колеблющимся пламенем свечи, он разглядел силуэт Хуайшэна. Тот стоял неподвижно, устремив взор вдаль. Цзыянь почувствовал: его возлюбленного гложет какая-то давняя, затаенная печаль. Не в силах просто безучастно смотреть на эти безмолвные терзания, он набросил на плечи теплый плащ и тихо подошел ближе.

— Брат Хуайшэн, почему ты не спишь в такой поздний час? — тихо спросил Цзыянь, встав рядом и тоже поднимая взгляд к холодному серебряному диску.

Погруженный в раздумья Хуайшэн вздрогнул от его голоса и торопливо обернулся. Взглянув на

Цзыня, он мягко улыбнулся:

— Не спится. А ты зачем поднялся? Накинул бы хоть что-нибудь потеплее, ночной воздух коварен. Опять разболеешься, не дай бог!

С этими словами он бережно снял свою верхнюю одежду и набросил ее поверх плаща Цзыня, укутывая поплотнее.

Цзынь украдкой следил за его заботливыми движениями, и от этого простого жеста на душе у него сделалось удивительно тепло.

— Какая огромная сегодня луна, — прошептал Цзынь. — Но видишь это бледное кольцо вокруг нее? У нас в народе говорят: кольцо вокруг солнца — к полуночному дождю, а вокруг луны — к полуденному ветру. Боюсь, завтра поднимется сильная буря.

Небосвод казался на удивление чистым, усыпанным непривычно яркими звездами. Глядя на эту безмятежность, он с трудом мог поверить, что завтра погода переменится, однако народные приметы редко лгали.

— Твоя правда, — согласился Хуайшэн. — Хорошо, что мы успели завершить поминальные службы.

— Интересно, когда мы сможем вернуться в Столицу? — вздохнул Цзынь. — Год пролетел как один миг. Кажется, будто мы только вчера поднялись на гору Небесного Духа.

Несмотря на то что рядом был человек, к которому он питал нежные чувства, тоска по родному дому не угасала, а лишь крепла с каждым днем. Редкие письма, доходившие из столь дальних краев раз в несколько месяцев, не могли унять этого глухого томления.

— Неужели наш Цзынь заскучал по дому? — разгадав его душевное смятение, негромко спросил Хуайшэн.

Цзынь лишь беззащитно и кротко улыбнулся в ответ.

— Конечно скучаю, как иначе! — признался он. — Я ведь впервые в жизни уехал так далеко от родных мест. Поначалу мне было очень тяжело без близких, потом я немного привык... а теперь тоска нахлынула с новой силой.

Немного помолчав, Цзынь посмотрел на собеседника:

— Брат Хуайшэн, а ты... скучаешь по своим родителям?

Цзыянь вдруг поймал себя на мысли, что Хуайшэн почти никогда не рассказывал о своей семье, в то время как сам он без умолку делился теплыми воспоминаниями о близких.

— Очень скучаю, — тихо отозвался Хуайшэн. — Шесть лет их не видел.

Когда он покидал родные края, его дедушка и бабушка были уже совсем дряхлыми, и он даже не знал, живы ли они теперь. Ему безумно хотелось навестить их, но приемная мать сурово запретила возвращаться, пока не свершится месть. И он послушно держал слово. Конечно, при желании он мог бы тайком наведаться домой, но в глубине души боялся: стоит ему ступить на родной порог, и он больше не найдет в себе сил вернуться на гору Небесного Духа. Ему хотелось остаться с матерью, пусть даже она грозила отречься от него. В детстве она частенько бывала с ним жестока, осыпала бранью и смотрела ледяным взглядом, однако именно она когда-то спасла его от голодной смерти. Хуайшэн был бесконечно благодарен ей за это и повиновался каждому ее слову беспрекословно.

— Если так тоскуешь, почему бы не съездить хоть ненадолго? — спросил Цзыянь.

Хуайшэн никогда не раскрывал истинных причин своего затянувшегося затворничества, и этот вопрос давно не давал Цзыяню покоя. Ведь он уже не раз замечал, как глубокой ночью Хуайшэн часами стоит у окна или во дворе, молча созерцая луну и предаваясь невеселым думам.

— Когда-нибудь ты все поймешь, — мягко уклонился от ответа Хуайшэн.

Он ласково взъерошил волосы Цзыяня, и в его голосе прозвучала нескрываемая нежность:

— Поздно уже. Иди в постель.

— Хорошо, я пойду. Но и ты не засиживайся допоздна, эти три дня выдались очень тяжелыми, — покладисто согласился Цзыянь.

Он снял сброшенное на плечи чужое одеяние и бережно вернул его владельцу.

— Ложись, я скоро приду, — пообещал Хуайшэн, натягивая рукава и легонько похлопав юношу по плечу.

Цзыяню ничего не оставалось, как послушно вернуться к постели, раздеться и скользнуть под теплое одеяло.

В комнате вновь воцарилась уютная тишина, и вскоре Хуайшэн тоже улегся спать.

На следующее утро оба поднялись ни свет ни заря. Обычно Хуайшэн вставал первым, чтобы приготовить завтрак к пробуждению Цзыяня, но сегодня они решили кулинарить вдвоем — дело небывалое. Впрочем, стоило Цзыяню разбить несколько глиняных мисок, как Хуайшэн решительно усадил его на табурет у стены и запретил даже шевелиться.

Помощник из молодого господина вышел, мягко говоря, сомнительный: картофель, который полагалось нарезать тонкими ломтиками, он искромсал нечищеным на нелепые булыжники разного размера; свежую зелень при мытье умудрился перетереть в безжизненную кашу; а когда его попросили раздуть огонь в очаге, пламя едва не погасло, зато лицо усердного поваренка сплошь покрылось черной сажей.

Потерпев сокрушительное фиаско, Цзыянь смирился со своей участью. Он послушно сидел в сторонке, мысленно ругая себя за вопиющую неуклюжесть. Хуайшэн и слова упрека не проронил, однако Цзыяня все равно грызло чувство вины: хотел ведь как лучше, а в итоге только прибавил хлопот.

Хуайшэн ловко прибрал устроенный на кухне беспорядок и вернулся к готовке. Без добровольного «помощника» дело пошло куда скорее, и вскоре на столе уже исходил паром простой сытный завтрак.

За едой Цзыянь выглядел понурым, и Хуайшэну не составило труда догадаться о причинах его уныния.

— Попробуй вот это, — ласково сказал Хуайшэн, подкладывая ему в пиалу лучшие кусочки. — Ешь побольше. А стряпне я тебя со временем научу, было бы желание!

— Брат Хуайшэн, прости меня, пожалуйста, — виновато выдохнул Цзыянь, откладывая палочки. — Хотел помочь, а принес один только вред.

Пусть ничего непоправимого не случилось, оставлять после себя хаос и обременять других казалось ему недопустимым.

— Пустяки! Ты ведь взялся за это впервые, — рассмеялся Хуайшэн. — Не бери в голову. Твой брат Хуайшэн, когда впервые подошел к плите, едва не спалил всю кухню дотла! Матушка тогда так меня отходила — до сих пор спина помнит. Так что ты по сравнению со мной просто прирожденный кулинар!

Цзыянь не выдержал и прыснул. Он не знал, правду ли говорит Хуайшэн или просто пытается его утешить, но на душе мгновенно посветлело. Уныние испарилось без следа, и юноша с аппетитом вернулся к еде. Время от времени они заботливо подкладывали друг другу лучшие угощения. Когда пришло время убирать со стола, Цзыянь испытывать судьбу не стал и благоразумно остался сидеть — от греха подальше, чтобы не расколоть уцелевшую посуду.

Покончив с делами, они устроились в тени ветвистых деревьев на плетеных креслах с книгами

в руках. Однако почитать им толком не удалось: вскоре во двор вошел Истинный владыка Сюаньцин. Юноши тут же поднялись навстречу гостю.

— Простите, почтенный Сюаньцин, что не встретили вас у ворот, — с глубоким поклоном произнес Цзыянь, выражая искреннее почтение своему спасителю.

— Полно вам, Ваше Высочество наследник, к чему эти церемонии? — отмахнулся старец. — Давайте лучше пройдем в дом.

Не дожидаясь ответа, он уверенным шагом направился к дверям. Хуайшэн и Цзыянь переглянулись и безмолвно последовали за ним.

Хуайшэн поспешил заварить для всех чай «Белый пион», и вскоре комнату наполнил тонкий цветочный аромат. Сюаньцин неторопливо сделал глоток, храня молчание. Хозяева дома тоже не решались нарушить тишину, терпеливо ожидая, пока старец заговорит первым.

За все время пребывания Цзыяня на горе Небесного Духа почтенный наставник навещал его крайне редко — раз в месяц, а то и в несколько. За весь год их встречи можно было пересчитать по пальцам. Даже в периоды тяжелых обострений старец не являлся лично, лишь передавал новые рецепты через слуг. Цзыянь понимал: Сюаньцин полностью доверял Хуайшэну, зная, что тот ухаживает за больным лучше любого лекаря. Нечастые же визиты владыки служили лишь для того, чтобы оценить состояние юноши и подкорректировать курс лечения. Первое время он заглядывал чаще, но по мере выздоровления Цзыяня его визиты и вовсе сошли на нет. Впрочем, оно и к лучшему: Сюаньцин появлялся либо когда больной шел на поправку, либо когда надежды уже не оставалось.

Цзыянь сделал осторожный глоток, наслаждаясь изысканным вкусом. Он обожал этот сорт чая, но из-за слабого здоровья пить его помногу запрещалось. Лишь благодаря визиту почетного гостя ему позволили сделать исключение — обычно Хуайшэн лишь дразнил его, пронося мимо исходивший паром чайник. Когда пиала опустела, Цзыянь потянулся было за добавкой, но заметив бдительный взгляд Хуайшэна, он убрал руку. Пришлось с легкой обидой устроиться поудобнее и молча завидовать двум другим собеседникам, неторопливо наслаждавшимся напитком.